

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-27-38

## ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ В МОДЕЛИ ПРОПОВЕДИ АРХИЕПИСКОПА АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО “ASCENSION”, ПРОИЗНЕСЁННОЙ В 1964 ГОДУ

**Огнева Е. А.**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет  
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация*

### **Аннотация**

**Цель** работы в выявлении специфики англоязычной православной проповеди как дискурсивной модели, порождённой языковой личностью архиепископа Антония Сурожского.

**Процедура и методы.** Посредством когнитивно-герменевтического анализа и количественного анализа изучена проповедь «Вознесение», произнесённая Антонием Сурожским в храме Успения Божией Матери и всех святых в Лондоне в 1964 г.

**Результаты.** В информативном компоненте дискурсивной модели установлена высокая частотность темпоральных маркеров, преобладание хронем, превалирование маркеров пролонгированности. Представлена авторская классификация лексических таймеров.

**Теоретическая и практическая значимость.** Актуально для дискурсологии и методологии таксономического моделирования религиозного дискурса как формата функционирования сакрального знания. В научный тезаурус введены термины: «дискурсообразующая языковая личность» и «дискурсакцептивная языковая личность». Применено в лекциях по дискурсологии, в практике построения православной проповеди.

**Ключевые слова:** религиозный дискурс, дискурсивная стратегия, моделирование, проповедь, темпоральный маркер, хронема, лексический таймер, частотность

## TEMPORAL MARKERS IN THE SERMON “ASCENSION” DELIVERED BY ARCHBISHOP ANTHONY OF SUROZH IN 1964

**E. Ogneva**

*Belgorod State National Research University  
85 ulitsa Pobedy, Belgorod 308015, Russian Federation*

### **Abstract**

**Aim.** To identify the specific features of English orthodox sermon as discourse model created by archbishop Anthony of Surozh.

**Methodology.** The sermon “Ascension” presented by Anthony of Surozh in the Church of the Assumption of the Mother of God and all saints in London in 1964 is studied through cognitive hermeneutical analysis and quantitative analysis.

**Results.** Analysis of the sermon text informative component showed that the main feature of the semantic structure of the discourse model is high frequency of temporal markers with predominance of chronemes and prevalence of markers indicating time prolongation. The author’s classification of lexical markers is presented.

**Research Implications.** The results of research contribute to the further development of the discourse theory, namely, the taxonomic modeling methodology of religious discourse as a format

for the existence and functioning of sacred knowledge. Two terms have been introduced into the scientific thesaurus: a discourse-forming linguistic personality and a discourse-accepting linguistic personality. The obtained results can be used in lectures on discourse studies, and in the practice of Orthodox sermon composition.

**Keywords:** religious discourse, discursive strategy, modeling, sermon, temporal marker, chroneme, lexical timer, frequency

### Введение

Одним из актуальных направлений современной дискурсологии видится всестороннее исследование религиозного дискурса, который находится в эпицентре различных гуманитарных изысканий. С лингвистической точки зрения «дискурс – продукт ассоциативной, интерпретативной и собственно рефлексивной деятельности коммуникантов над референтной ипостасью события, отобранного для текстовой репрезентации» [1, с. 8].

Существуют различные определения религиозного дискурса. Для проводимого исследования значимо то, что Е. А. Кожемякин понимает под религиозным дискурсом «регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и смысловоспроизводящую деятельность, направленную на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта» [10, с. 32]. Е. В. Бобырева определяет религиозный дискурс «как общение, основная интенция которого – поддержание веры или приобщение человека к вере» [2, с. 162]. По нашему мнению, религиозный дискурс – это динамичный формат существования религиозного знания, его трансляции и получения.

Общеизвестно, что существуют различные типы дискурса. Так, например, личностно-ориентированный дискурс выстраивается между хорошо знакомыми людьми и подразделяется на два подтипа: бытовой и бытийный, тогда как статусно-ориентированный дискурс разворачивается между представителями разных групп и содержит несколько важных целей. Религиозный дискурс относится к

статусно-ориентированному типу, для реализации которого значимы «религиозная сфера существования, церковь как социальный институт, определяющий конкретные коммуникативные цели и характеристики участников религиозной коммуникации, возвышенно-воздействующий характер языка» [5, с. 508].

В вопросе о роли религиозного дискурса в социуме значим тот факт, что «религиозный дискурс, вербально реализуя потребность человека в вере как концепте ценностной ориентации, является одним из важнейших проявлений человеческой деятельности» [16, с. 199]. Это мнение коррелирует с высказанной ранее точкой зрения В. И. Карасика о том, что «в религиозном общении суть дискурса состоит в открытом утверждении ценностей» [9, с. 321].

Исследование дискурса посредством его моделирования предоставляет новые сведения о его структуре и функционировании.

### Моделирование религиозного дискурса

Религиозный дискурс как формат знания можно смоделировать в свете того, что он «оперирует своими собственными знаками ... как вербальными, так и невербальными» [2, с. 163]. Модель религиозного дискурса можно представить в виде совокупности следующих компонентов: (1) коммуниканты: адресат и адресант, (2) информативный компонент, (3) фоновый компонент.

При построении модели религиозного дискурса значимую роль играет первый компонент, а именно сопряжение параметров языковых личностей коммуникантов, выстраивающих дискурс,

поскольку «говорящие и слушающие должны интегрировать многочисленные социальные и когнитивные ресурсы» [21, р. 145]. В религиозном дискурсе преобладающая роль отводится хранителю сакральных знаний, языковая личность которого интерпретируется в проводимом исследовании как дискурсообразующая, рассматриваемая в следующем ракурсе: «в языковой личности преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека» [3, с. 3], поскольку «индивидуально-личностные свойства языковой личности тесным образом связаны с внешними признаками и условиями её существования в социальной среде» [7, с. 50].

Не вызывает сомнения тот факт, что параметры языковой личности, как дискурсообразующей (адресант), так и дискурсакцептивной (адресат), обусловлены её картиной мира, под которой понимается «ментальное образование, существующее в нашем сознании» [18, с. 365]. Н. В. Шестёркина обосновала существование следующих типов религиозной картины мира: церковная, христианская, православная и др. [17]. Доказано, что «особенности языковой личности прямо пропорциональны особенностям её картины мира» [13, с. 95], с учётом того, что при формировании языковой картины мира значимым «динамическим фактором является уровень языковой и культурной компетентности языковой личности» [6, с. 68].

Изучение корреляции языковой и культурной компетенций языковой личности невозможно без учёта того факта, что “one of the forms of cultural existence in human consciousness is the so-called national cultural space” / «одна из форм существования культуры в человеческом сознании представляет собой национальное культурное пространство» [20, р. 3], наличие которого оказывает влияние на формирование параметров дискурсо-

образующей языковой личности пастыря, выступающего религиозную дискурсивную модель с целью её доступности восприятию дискурсакцептивными коммуникантами, т. е. паствой. Об этом так говорит святой Апостол Павел в первом Послании к коринфянам: «для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»<sup>1</sup>.

Очевидно, что дискурсивные стратегии языковой личности обусловлены параметрами самой личности. По мнению Дж. Гамперца, создание общей теории дискурсивных стратегий должно начинаться с выявления особенностей лингвистических и социолингвистических знаний, необходимых для коммуникации [22]. Последующее моделирование дискурсивных стратегий может быть реализовано в трёх форматах: таксономическом (описательном), графическом (2D, 3D) или вычислительном (компьютерном). Вычислительная модель дискурсивных стратегий может быть основана на анализе естественных текстов и направлена на достижение коммуникативных целей [23, р. 1].

В свете этого актуален тот факт, что “formulation of discourse modeling strategies is one of the ways to identify the specific features of evolution's steps onto discourse socio-cultural model's development” / «формулирование стратегий моделирования дискурса является одним из способов определения специфических черт эволюционных этапов в развитии социокультурной модели дискурса» [24, р. 729], в частности, религиозного дискурса.

<sup>1</sup> Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2013. С. 1223.

Следовательно, параметры языковой личности, и дискурсообразующей, и дискурсакцептивной, являются существенным компонентом модели религиозного дискурса и зачастую предопределяют структуру информативного компонента дискурса. Информативный компонент модели дискурса может быть рассмотрен в виде топика как «содержательный аспект дискурса, выраженный в тексте» [8, с. 73]. Под информативным компонентом дискурса понимается «ситуативный аспект общения, определяемый участниками, целями, ценностями, хронотопом, стратегиями и жанрами коммуникативного события». Информативному компоненту дискурса присущ модус, интерпретируемый в виде «эмоционально-стилевой презентации дискурса в его определенной тональности, соответствующей типу социального действия и каналу общения» [там же].

Топик, иными словами, информативный компонент, зиждется на том, что «лингвистическим воплощением дискурса как явления, разворачивающегося во времени, служит текст» [15, с. 38]. В свете этого актуальна «проблема изучения языковой сущности религиозных текстов, а также описания ключевых механизмов и принципов построения коммуникации в сфере религии» [11, с. 66].

Третий компонент дискурсивной модели – экстралингвистический фон – представляет собой все атрибуты религиозного бытия личности, которые сопутствуют развёртыванию дискурса, т. е. формированию его второго компонента – информативного. Лингвистическая проекция экстралингвистического фона представляет собой совокупность религиознимов, теонимов, религиозных лингвокультурем.

Итак, краткое описание трёх компонентов модели религиозного дискурса позволяет в дальнейшем осуществить моделирование конкретного жанра религиозного дискурса, поскольку именно от жанра зависит смысловое наполнение

каждого компонента выстраиваемой модели. В настоящее время выделено четыре жанра религиозного дискурса: молитва, проповедь, исповедь и обрядовое действие [9].

### Результаты проведенного исследования

#### *Моделирование православной проповеди*

В статье представлена таксономическая модель православной проповеди как одного из жанров религиозного дискурса. По мнению Т. В. Чиковани, «для проповеди православного священника доминирующей целью является убеждение с элементами информирования» [14], что представляет собой стратегию выстраиваемого дискурса.

В орбиту современных исследований религиозного дискурса вошли англоязычные проповеди известного православного проповедника митрополита Антония Сурожского. Так, например, было выявлено, что особенностями построения проповеди “Sunday before Pentecost” являются следующие: «(1) лексема God (Бог) упомянута 50 раз; (2) выявлено чередование темпоральных векторов в речевом потоке; (3) выявлена отсылка прихожан храма к священным книгам; (4) установлена цикличность лексем, репрезентирующих путешествие; (5) выявлены топонимы; (6) выявлена культураема the High Room (горница); (7) проповедь представляет собой комплексную модель когнитивной сцены “Gifts” (дары), состоящей из 12 когнитивных субцен, что также символично» [12]. Отметим, что исследование англоязычных проповедей митрополита Антония Сурожского проводилось Ф. О. Яхневой, которая установила, что в проповеди “The Lord’s Entry into Jerusalem” номинативное поле одноимённого концепта представлено совокупностью субконцептов: «(1) имя Бога, (2) Богородица, (3) имена апостолов, (4) взаимосвязь человека с Богом, (5) отсылки к Священному Писанию, (6) реа-

лии новозаветного времени, (7) время, (8) пространство» [19, с. 237].

Новизна проведённого исследования заключается в определении особенностей построения темпоральной составляющей проповеди “Ascension”, в выявлении корреляции различных типов темпоральных маркеров как компонентов временной модели православной проповеди.

**Дискурсивная модель англоязычной православной проповеди “Ascension” архиепископа Антония Сурожского**

В данной работе представлены особенности построения проповеди “Ascension” / «Вознесение», произнесённой Антонием Сурожским 11 июня 1964 г., когда он был архиепископом Сурожской епархии, настоятелем храма Успения Божией Матери и всех святых в Лондоне.

В выстраиваемой дискурсивной модели дискурсообразующей языковой личностью является архиепископ Антоний Сурожский, дискурсакцептивным компонентом модели являются паства и все участники Богослужения 11 июня 1964 г. в храме Успения Божией Матери и всех святых в Лондоне. Храм, его местонахождение, дата Богослужения представляют собой третий компонент модели – фоновый. Второй компонент модели, текст проповеди, состоит из двадцати четырёх предложений, и требует детального рассмотрения для построения дискурсивной модели.

Итак, проповедь начинается с молитвы In the Name of the Father, the Son and the Holy Ghost / Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Исследование структуры проповеди выявило, что основной её особенностью является синхронизация темпоральных маркеров, под которыми понимаются слова и словосочетания, репрезентирующие время. К темпоральным маркерам относятся видовременные формы глагола, хронемы, лексические таймеры. Под видовременной формой глагола понимается языковой знак, семантика которого

выражает время и способ совершения действия. Под хронемой понимается слово или словосочетание, обозначающее время. Исследования показали, что существует четыре типа хронем: пролонгированные хронемы (‘весь день’, ‘в течение лета’), точечные хронемы (‘в два часа дня’), предельные хронемы (‘к пяти часам утра’, ‘к началу осени’), обобщающие хронемы (‘зимой’, ‘утром’). Под лексическим таймером понимается темпоральный маркер, «в семантике которого наряду с непосредственным значением имеется дополнительное темпоральное значение» [4, с. 175]. Детальное исследование лексических таймеров позволило нам прийти к выводу, что существует четыре типа лексических таймеров: пролонгированные лексические таймеры (‘в течение сессии’), точечные лексические таймеры (‘в праздник’), предельные (‘к началу фестиваля’), обобщающие (‘старинная шкатулка’).

Рассмотрение темпоральной сетки текста проповеди показало, что в двенадцати предложениях из двадцати четырёх употреблено по два темпоральных маркера. В двух предложениях из упомянутых по три темпоральных маркера, каждый из которых представляет собой обобщённую единицу к двум другим.

Изучение текста проповеди последовательно по предложениям выявило следующие особенности её построения (темпоральные маркеры здесь и далее выделены полужирным курсивом).

**(1) *The feast of the Ascension of the Lord is one of the decisive links in our eternal human destiny / Праздник Вознесения Господня одно из решающих звеньев в нашем вечном человеческом предназначении***<sup>1</sup>.

В рассматриваемом предложении выявлено два темпоральных маркера. Во-

<sup>1</sup> Здесь и далее примеры из: Sourozh A. Ascension (1964, 11 June) [Электронный ресурс] // Sermons and talks. Newsletter N. 6, June 1970. URL: <http://masarchive.org/Sites/texts/1964-06-11-1-E-N-S-EM05-138Ascension.html> (дата обращения: 12.05.2020). Перевод наш – Е. О.

первых, лексический таймер *the feast of the Ascension of the Lord*, который определяет точку на годовом цикле Богослужений. Во-вторых, пролонгированная хронема *eternal human destiny*. Следовательно, в начале своей проповеди митр. Антоний Сурожский сопрягает два типа темпоральных маркеров, а именно лексический таймер и хронему. Наряду с темпоральным сопряжением выявлено и духовное единение человека с Богом, выраженное в словосочетании *our eternal human destiny*.

(2) *This destiny begins on the day that God calls the world from non-being into being with his mighty creative word* / Это предназначение **начинается в день**, когда Бог призывает мир из небытия в бытие своим могущественным творящим словом.

В предложении выявлено два темпоральных маркера: 1) лексический таймер – глагол *begins*, в семантике которого заложена точка отчёта начала действий, 2) точечная хронема *on the day*, которая усиливает темпоральное значение предыдущего глагола в предложении. Конструкция *God calls the world from non-being into being* представляет собой когнитивную сцену, в которой отражено взаимодействие Бога с человеком: адресант *God* и адресат *the world*, а также коммуникативный импульс *calls from non-being into being*.

(3) *This world is placed before the face of God and by the creative word is called not only to temporal life but to remain eternally in the joy and glory of its Lord* / Этот мир перед лицом Бога, призванный созидающим словом не только ко временной жизни, но к пребыванию **вечно** в радости и славе Господа.

В предложении выявлена поляризация двух темпоральных маркеров – лексического таймера *temporal life*, обозначающего определённый отрезок времени, равный человеческой жизни, и пролонгированной хронемы *eternally*, обозначающей бесконечность времени.

(4) *The destiny of the world and of man begins with God's loving offer of the bliss of*

*friendship with Him till the end of time* / Предназначение мира и человека **начинается** с любви Бога, подаваемой в блаженстве дружбы с Ним **до скончания века**.

Выявлено наличие лексического таймера *begins*, обозначающего точку отчёта, сопряжённую с предельной хронемой *till the end of time*, указывающей на конец времени, т. е. архиепископ Антоний Сурожский в одной фразе соединяет начало и конец времени.

(5) *And when man fell away from God, when through the treachery of man, the whole world was given over to suffering, God did not withdraw His love and abandon us* / И когда человек отпал от Бога, когда за вероломство человека всему миру было дано страдание, **Бог не устранил Его любовь и не покинул нас**.

В предложении выявлена точечная хронема *when*, употреблённая дважды, сопряжённая с лексическим таймером *God did not withdraw His love and abandon us*, обозначающим продолжающееся во времени Богообщение.

(6) *Never, neither in the hours of paradise nor in the dark years and centuries of the fall, was God a stranger to the world* / **Никогда, ни в часы рая, ни в тёмные годы и века падения**, Бог не был посторонним в мире.

В отличие от пяти вышерассмотренных предложений в данном предложении три темпоральных маркера, один из которых, пролонгированная хронема *never*, является обобщающей к двум другим пролонгированным хронемам, обозначающим краткий промежуток времени *in the hours of paradise* и продолжительный промежуток времени *in the dark years and centuries of the fall*.

(7) *He was constantly acting within it, arousing in men's hearts all that was good and true, sending His guardian angels, His prophets and the messengers of His word, – and when the time was ripe the Lord Himself entered the life of the world* / Он **постоянно** действовал, пробуждая человеческие сердца ко всему доброму и истинному, посы-

лая Его Ангелов-хранителей, Его пророков и проповедников Его слова, и **когда время пришло**, Господь вошёл в жизнь мира.

В предложении выявлена пролонгированная хронема *constantly* и точечная хронема *когда время пришло*.

(8) *When God became incarnate He entered into the historical destiny of man so that there is no dividing line between this historical destiny and God's eternal life / Когда Бог воплотился, он вошёл в историческое предназначение человека, поэтому нет разделяющей линии между историческим предназначением и вечной жизнью Бога.*

Определено два темпоральных маркера: точечная хронема *when* и пролонгированный лексический таймер *eternal life*. По типу темпоральных маркеров и их очерёдности в тексте проповеди данное, восьмое, предложение идентично пятому предложению.

(9) *But the Lord not only entered the historical destiny of man by His incarnation, He united with Himself, with His divine nature, all that He had created – our human flesh which He put on not for a time but forever, our earth, our sky – and demonstrated its wonderful quality and glory / Но Господь не только вошёл в историческую судьбу человека Своим воплощением, Он соединил с Собою, со Своей Божественной природой всё, что он создал – нашу человеческую плоть, которую он надел не на время, но навсегда, нашу землю, наше небо – продемонстрировали своё чудесное качество и славу.*

В контексте выявлена поляризация краткого периода времени и пролонгированного времени. Поляризация выражена двумя хронемами *for a time* и *forever*. Примечательно, что поляризации кратких и пролонгированных периодов времени обнаружены в третьем, в шестом и в девятом предложениях.

(10) *All that He created is capable not only of meeting God, but of being spirit-bearing, God-bearing / Всё, что он создал способно не только на встречу с Богом, но на духовное, Богоносное существование.*

В предложении поляризуется точечный темпоральный маркер *meeting God* и пролонгированный темпоральный маркер *being spirit-bearing, God-bearing*.

В 11–14 предложениях рассматриваемой проповеди темпоральные маркеры отсутствуют.

(15) *Christ ascended into heaven on the day of a blessed and wonderful parting which turned out to be no separation, because by ascending into heaven He did not get farther away from us, for heaven is not the sky, not a certain distance, but the mystery of God's omnipresence, the glory that He had even before the world was / Христос вознесся на небеса в день благословенного и чудесного расставания, которое, как оказалось, не было разлукой, потому что, вознесшись на небеса, Он не удалился от нас, потому что небеса это не небо, это не определённое расстояние, но тайна Божественной вездесущности, славы, которую Он имел, до того как мир был.*

В анализируемом предложении выявлено две хронемы: точечная хронема *on the day* и предельная хронема *before*.

(16) *And when Christ says: "Deny yourself, take up your cross and follow Me," - He is not only telling us that in our temporal existence we must tear ourselves away from all self-love, accept the whole weight of our earthly life and follow Him, firstly among the people, thence to Gethsemane and the trial and thence to the cross, He does not even say that whosoever follows Him thus shall rise again on the last day; He opens to us even greater possibilities / И когда Христос говорит: «Отвергнись себя, и возьми свой крест и следуй за Мною,» – Он не только говорит нам, что в нашем временном существовании мы должны оторваться от себялюбия, принять тяжесть нашей земной жизни и следовать за Ним, сначала среди людей, затем в Гефсиманию и на испытания и затем на крест, Он даже не говорит, чтобы каждый следовал за Ним, чтобы воскреснуть в последний день; Он открывает для нас даже большие возможности.*

Определено, что особенностью этого предложения является смысловая дубликация пролонгированного лексического таймера *temporal existence = earthly life*, т. е. контекстуально присутствует один темпоральный маркер, выраженный синонимичными словосочетаниями. В предложении также выявлена точечная хронема *on the last day*.

(17) *We are called upon to follow Him and according to His own word, to be where He is, in the eternal glory of the divine life / Мы призваны следовать за Ним по Его слову, быть там, где он, в вечной славе Божественной жизни.*

В предложении выявлена пролонгированная хронема *eternal* и пролонгированный лексический таймер *the divine life*.

(18) *In another ten days it will be Pentecost / Через десять дней будет Пятидесятница.*

Выявлено две хронемы: предельная хронема *in ten days* и точечная хронема *Pentecost*. По типу и очерёдности хронем это предложение, восемнадцатое, противоположно пятнадцатому предложению, в котором сначала употреблена точечная хронема, а потом предельная хронема.

(19) *We expect that having through Baptism become, to some extent at least, the Body of Christ and having received communion from Him over the years, we may now receive the Gift of the Holy Spirit / Мы ожидаем, что, крестившись, становимся до некоторой степени Телом Христовым, и, принимая причастие от Него в течение многих лет, мы можем сейчас получить дар Святого Духа.*

В контексте выявлено наличие двух хронем, пролонгированной хронемы *over the years* и точечной хронемы *now*.

(20) *Through this gift our renewed humanity may be ignited with the fire of eternal life / Этим даром наше обновленное человечество защищено огнем вечной жизни.*

В предложении, которое завершает описание значимости праздника, выявлен только один темпоральный маркер – лексический таймер *eternal life*, который

сопряжён с лексическим таймером первого предложения проповеди *eternal human destiny* посредством лексемы *eternal*.

Предложения 21–23 представляют собой призыв к пастве, выраженный в виде когнитивной сцены, в которой адресантом является архиепископ Антоний Сурожский, адресатом паства, а информативный терминал состоит из следующих трех фраз:

(21) *Let us prepare ourselves reverently and attentively, so that the life-giving and transfiguring presence of the Holy Spirit may be renewed within us / Приготовимся благоговейно и внимательно, чтобы животворящее и преображающее присутствие Святого Духа могло обновить нас.*

(22) *Let us come to church on that day ready to begin a new life in Christ and in the Spirit and become truly, in reality, not just in our dreams, what St. Ignatius of Antioch calls the living body of Christ, the 'total Christ' in which the fullness of the Spirit resides / Придём в церковь в этот день, готовые начать новую жизнь во Христе и в Духе и станем воистину, в действительности, а не только в наших мечтах, теми, кого святой Игнатий Антиохийский называет живым телом Христа, «всеобщим Христом», в котором полнота Духа пребывает.*

(23) *And by accepting this spirit of Christ and of Sonship, let us become – as with even greater daring St. Irenaeus of Lyons says “the Only begotten Son of God in the Only-begotten Son” / И приняв духа Христа и Сыновства, станем, как ещё с большей смелостью говорит Святой Ириней Лионский «Едиnorodный Сын Божий в Единородном Сыне».*

Среди трёх фраз, передающих призыв пастыря к пастве, во второй фразе (предложение двадцать два) выявлено два темпоральных маркера: точечная хронема *on that day* и пролонгированный лексический таймер *a new life*.

Проповедь завершается словами:

(24) *May the blessing and mercy of the Lord be with us all / Да пребудет со всеми нами благословение и милость Господа.*

(25) *Amen / Аминь.*



Таким образом, проведённый когнитивно-герменевтический анализ выявил особенности построения темпоральной составляющей в информативном компоненте модели рассматриваемой англоязычной православной проповеди архиепископа Антония Сурожского “Ascension”.

### Заключение

Таксономическое моделирование дискурса как один из типов моделирования способствует всестороннему изучению дискурсивного формата знания. В проводимом исследовании дискурсивная модель православной проповеди “Ascension” / «Вознесение» выстраивается как совокупность следующих компонентов: 1) дискурсообразующая личность архиепископа Антония Сурожского, дискурсакцептивные личности прихожан храма Успения Божией Матери и всех святых в Лондоне, 2) текст проповеди как информативный компонент модели, 3) фоновый компонент модели, выраженный хронемой “in 1964”.

Применение когнитивно-герменевтического анализа и количественного анализа информативного компонента модели, а именно текста проповеди архиепископа Антония Сурожского “Ascension”, показало, что существенным отли-

чием этого формата сакрального знания является высокая частотность темпоральных маркеров в количестве тридцати трёх в двадцати пяти предложениях. В результате исследования было установлено, что среди темпоральных маркеров в тексте проповеди преобладают хронемы – 21 единица; определено превалирование пролонгированных темпоральных маркеров, как хронем, так и лексических таймеров, над точечными темпоральными маркерами в соотношении 21 единица к 12.

В научный тезаурус в результате исследования введены термины «дискурсообразующая языковая личность» и «дискурсакцептивная языковая личность», уточняющие один из компонентов проповеди как дискурсивной модели. Предложена типология лексических таймеров.

Изложенный в работе подход к таксономическому моделированию религиозного дискурса, в частности, моделированию дискурса англоязычной православной проповеди, способствует всестороннему исследованию особенностей построения частной дискурсивной модели в общей религиозной картине мира как формате сакрального знания.

*Статья поступила в редакцию 24.09.2020*

### ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурс vs коммуникативное событие // Современные достижения и новые направления филологии: сборник Международной научной конференции, Белгород, 12–13 февраля 2018 г. / под. общ. ред. Е. Г. Озеровой. Белгород: Эпицентр, 2018. С. 8–12.
2. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1984. 31 с.
4. Бузина Е. И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 44. С. 174–178.
5. Воробьева С. Н. Религиозный дискурс: экстралингвистические и лингвистические особенности // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 506–509. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00387.
6. Ефанова М. А., Огнева Е. А. Социокультурные концепты в кросскультурном поле художественного перевода // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. И. Г. Жировой, Д. С. Лукина. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 66–71.

7. Жирова И. Г. Эмоциональный интеллект языковой личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 47–53.
8. Карасик В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 73–79.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Кожемякин Е. А. Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 2 (97). С. 32–47.
11. Литвишко О. М., Милетова Е. В. Религиозный дискурс как аксиологически маркированное пространство (на материале русского и английского языков) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 2. С. 65–72. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.2.6.
12. Огнева Е. А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди митр. Антония Сурожского “Sunday before Pentecost”) // Научный результат: сетевой журнал. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Т. 2. № 1 (7). URL: <http://rrlinguistics.ru/media/linguistics/2016/1/ling5.pdf> (дата обращения: 12.04.2020). DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-31-38.
13. Попова Т. Г. Художественная картина мира как концептуализированное художественное пространство // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам первой Международной конференции: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. С. 94–96.
14. Чиковани Т. В. Языковая личность православного проповедника как значимый лингвоформат религиозного дискурса (на материале проповеди архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) «Печаль яже по Бозе и печаль мирская») // Научный результат: сетевой журнал. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Т. 2. № 1 (7). URL: <http://rrlinguistics.ru/media/linguistics/2016/1/ling12.pdf> (дата обращения: 15.07.2020). DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-72-77.
15. Шевченко И. С., Морозова Е. И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник Харківського національного університету. 2003. № 586. С. 33–38.
16. Шепитько С. В., Смирнова М. С. Языковая личность в религиозном дискурсе // Science and Education a New Dimension: Philology. 2013. Iss. 13. P. 198–201.
17. Шестеркина Н. В. Религиозная картина мира // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 147–153. DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-147-153.
18. Юзефович Н. Г. Картины мира: лингвокультурологический аспект // Индустрия перевода. 2013. № 1. С. 363–368.
19. Яхнева Ф. О. Реализация концепта “The Lord’s Entry into Jerusalem” в англоязычном дискурсе православного проповедника // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 2. С. 236–240.
20. Alefirenko N. F. Language as a State of Ethno-Cultural Consciousness // XLinguae. 2015. Vol. 8. Iss. 3. P. 2–18. DOI: 10.18355/XL.2015.08.03.2-18.
21. Ellis D. G., Duran R. L., Kelly L. Discourse strategies of Competent Communicators: Selected Cohesive and Linguistic Devices // Research on Language and Social Interaction. 1994. Vol. 27. Iss. 2. P. 145–170. DOI: 10.1207/s15327973rlsi2702\_3.
22. Gumperz J. Discourse strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 240 p.
23. McKeown R. K. Discourse strategies for generating natural-language text // Artificial Intelligence. 1985. Vol. 27. Iss. 1. P. 1–41. DOI: 10.1016/0004-3702(85)90082-7.
24. Strategies of Discourse Modeling / E. Oгнева, D. Nikulina, E. Musaelian, R. Bogachev, A. Kutsenko, I. Danilenko // Journal of History Culture and Art Research. 2018. № 7 (2). P. 729–735. DOI: 10.7596/taksad.v7i2.1603.

## REFERENCES

1. Alefirenko N. F. [Discourse vs communicative event]. In: Ozerova E. G., ed. *Sovremennye dostizheniya i novye napravleniya filologii: sbornik Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Belgorod, 12–13 fevralya 2018 g.* [Modern achievements and new directions of philology: collection of the International Scientific Conference, Belgorod, February 12–13, 2018]. Belgorod, Epitsentr Publ., 2018, pp. 8–12.

2. Bobyreva E. V. [Religious discourse: values and genres]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2008, no. 1, pp. 162–167.
3. Bogin G. I. *Model' yazykovoï lichnosti v eye otnoshenii k raznovidnostyam tekstov: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Model of a linguistic personality in its relation to the varieties of texts: abstract of D. thesis in Philological sciences]. Leningrad, 1984. 31 p.
4. Buzina E. I. [Determination of lexical timers in the fiction temporal structure]. In: *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty* [Foreign languages: Linguistic and methodological aspects], 2019, no. 44, pp. 174–178.
5. Vorob'eva S. N. [Religious discourse: extralinguistic and linguistic features]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2020, no. 2 (81), pp. 506–509. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00387.
6. Efanova M. A., Ogneva E. A. [Sociocultural concepts in the cross-cultural field of literary translation]. In: Zhirova I. G., Lukin D. S., eds. *Rol' i mesto lingvokul'turnoi adaptatsii khudozhestvennogo teksta v teorii i praktike perevoda. Perevodcheskie strategii i taktiki: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The role and place of linguocultural adaptation of literary text in the theory and practice of translation. Translation strategies and tactics: a collection of materials from the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019, pp. 66–71.
7. Zhirova I. G. [Emotional intellect of a lingual personality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 2, pp. 47–53.
8. Karasik V. I. [Discourse Interpretation: topic, format, mode]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 1 (96), pp. 73–79.
9. Karasik V. I. *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
10. Kozhemyakin E. A. [Religious discourse: methodology issues]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy, Sociology, Law], 2011, no. 2 (97), pp. 32–47.
11. Litvishko O. M., Miletova E. V. [Religious discourse as axiologically marked space (in Russian and English languages)]. In: *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 2019, no. 2, pp. 65–72. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.2.6.
12. Ogneva E. A. [A. Cognitive Scene as a Format of Religious Knowledge Representation (Based on the Sermon “Sunday Before Pentecost” by Metropolitan Anthony of Sourozh)]. In: *Nauchnyi rezul'tat: setevoi zhurnal. Seriya: Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* [Research Result. Series: Questions of Theoretical and Applied Linguistics], 2016, vol. 2, no. 1 (7). Available at: <http://rllinguistics.ru/media/linguistics/2016/1/ling5.pdf> (accessed: 12.04.2020). DOI: 10.18413 / 2313-8912-2016-2-1-31-38).
13. Popova T. G. [The artistic picture of the world as a conceptualized artistic space]. In: *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii: sbornik nauchnykh trudov po materialam pervoi Mezhdunarodnoi konferentsii. T. 2* [Language and culture in the era of globalization: a collection of scientific papers of the first international conference. Vol. 2]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Economics Publ., 2013, pp. 94–96.
14. Chikovani T. V. [Linguistic Personality of an Orthodox Preacher as a Meaningful Linguoformat of Religious Discourse (based on the sermon “Godly Sorrow and the Sorrow of the World” by Archbishop Luka of Simferopol and Crimea (V. F. Voyno – Yasenetsky))]. In: *Nauchnyi rezul'tat: setevoi zhurnal. Seriya: Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* [Research Result. Series: Questions of Theoretical and Applied Linguistics], 2016, vol. 2, no. 1 (7). Available at: <http://rllinguistics.ru/media/linguistics/2016/1/ling5.pdf> (accessed: 15.07.2020). DOI: 10.18413 / 2313-8912-2016-2-1-72-77).
15. Shevchenko I. S., Morozova E. I. [Discourse as a thought-communicative formation]. In: *Vісник Харківського національного університету*, 2003, no. 586, pp. 33–38.
16. Shepit'ko S. V., Smirnova M. S. [Linguistic personality in religious discourse]. In: *Science and Education a New Dimension: Philology*, 2013, iss. 13, pp. 198–201.
17. Shesterkina N. V. [Religious picture of the world]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2016, no. 25, pp. 147–153. DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-147-153.

18. Yuzefovich N. G. [Pictures of the world: linguocultural aspect]. In: *Industriya perevoda* [Translation industry], 2013, no. 1, pp. 363–368.
19. Yakhneva F. O. [Realization of concept 'The Lord's entry into Jerusalem' in English-language discourse of orthodox preacher]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2015, no. 2, pp. 236–240.
20. Alefirenko N. F. Language as a State of Ethno-Cultural Consciousness. In: *XLinguae*, 2015, vol. 8, iss. 3, pp. 2–18. DOI: 10.18355//XL.2015.08.03.2-18.
21. Ellis D. G., Duran R. L., Kelly L. Discourse strategies of Competent Communicators: Selected Cohesive and Linguistic Devices. In: *Research on Language and Social Interaction*, 1994, vol. 27, iss. 2, pp. 145–170. DOI: 10.1207/s15327973rlsi2702\_3.
22. Gumperz J. Discourse strategies. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 240 p.
23. McKeown R. K. Discourse strategies for generating natural-language text. In: *Artificial Intelligence*, 1985, vol. 27, iss. 1, pp. 1–41. DOI: 10.1016/0004-3702(85)90082-7.
24. Ogneva E., Nikulina D., Musaelian E., Bogachev R., Kutsenko A., Danilenko I. Strategies of Discourse Modeling. In: *Journal of History Culture and Art Research*, 2018, № 7 (2), pp. 729–735. DOI: 10.7596/taksad.v7i2.1603.

---

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Огнева Елена Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета;  
e-mail: ogneva@bsu.edu.ru

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Ogneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of Foreign Languages, Belgorod State National Research University;  
e-mail: ogneva@bsu.edu.ru

---

#### ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Огнева Е. А. Темпоральные маркеры в модели проповеди архиепископа Антония Сурожского “Ascension”, произнесённой в 1964 году // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 27–38.  
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-27-38

#### FOR CITATION

Ogneva E. A. Temporal markers in the sermon “Ascension” delivered by archbishop Anthony of Surozh in 1964. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 1, pp. 27–38.  
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-27-38